

| 12 ПРОИСХОЖДЕНИЕ
НАЦИОНАЛЬНОГО
ГЕНОФОНДА

| 33 КРАСНЫЙ
СВЕТ
ДЛЯ ИННОВАЦИЙ

| 46 ИНФОРМАЦИОННЫЕ
ТЕХНОЛОГИИ
В ГОСУПРАВЛЕНИИ

| 48 ОПЫТ
СТИМУЛИРОВАНИЯ
ЭКСПОРТА

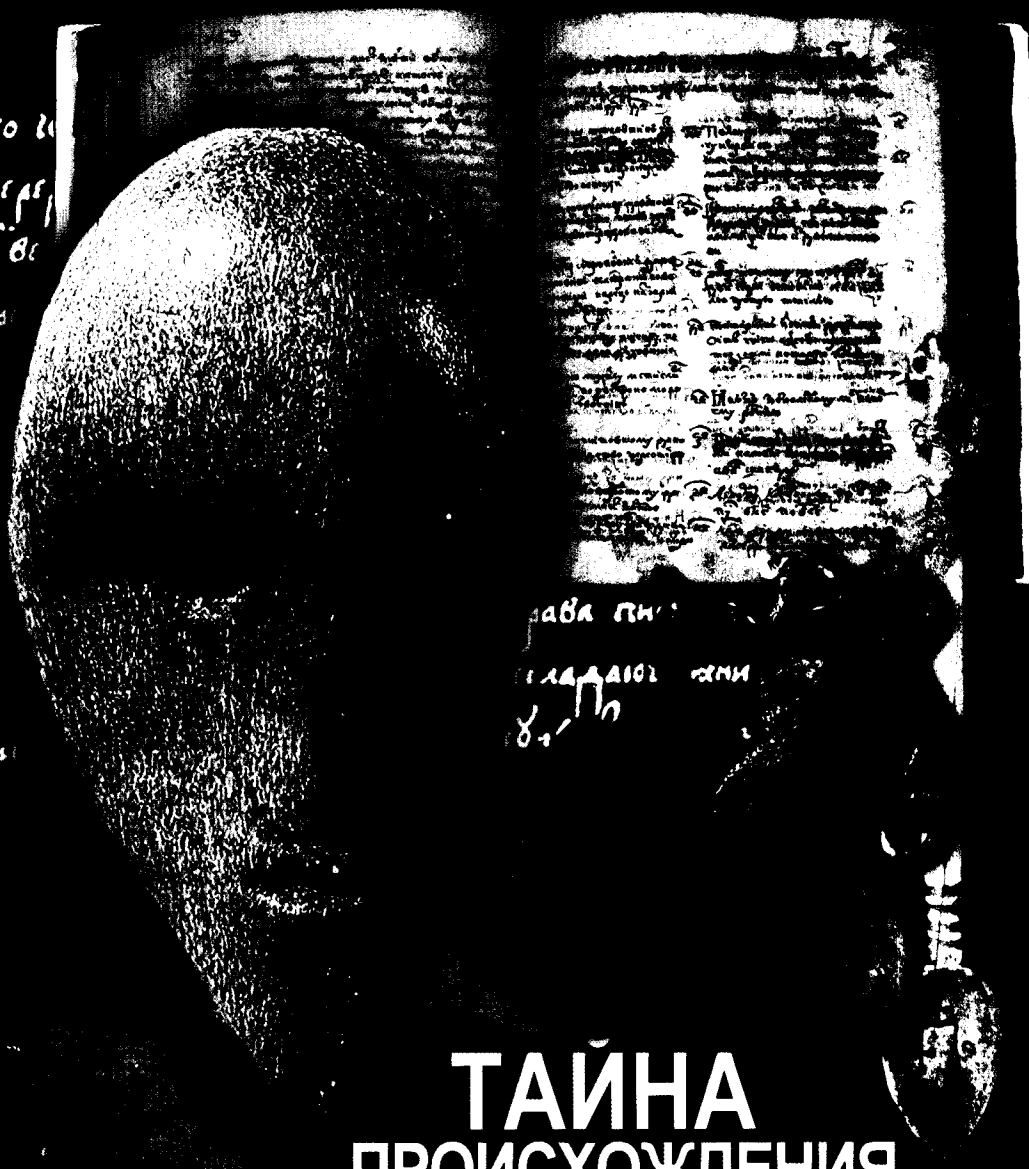
НАУКА И ИННОВАЦИИ

научно-практический журнал

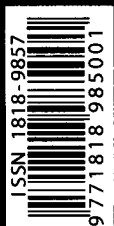

№ 9(103)_2011

А ле самог^о Бога не го и
тог^о кузнечны^х сво^ех пер^е
не ч^и не ш^еш^ебають^и с^еро^ве
насто^им^их прав^их ли^х пр^и
несправ^их ли^х бо^ге
ли^х пер^иам^и и^х слов^их р^и
ак^ии ш^им^их ез^им^их
с^им^их с^им^их сло^и
му насто^им^их и^х ф^их
и^х б^ир^ид^ит^их м^иов^их
т^им^их б^ир^ид^ит^их

ТАЙНА
ПРОИСХОЖДЕНИЯ
БЕЛОРУСОВ

Красный свет для инноваций

Нынешний год во многом юбилейный. Ровно 25 лет тому назад СССР взял курс на перестройку, давшую старт процессам разгосударствления экономики и демократизации общества. После этого через 5 лет распалась «империя зла», и вот уже 20 лет, как бывшие союзные республики вступили на путь активного перехода к рыночной экономике.

Валерий Байнев,

профессор кафедры менеджмента БГУ, доктор экономических наук, профессор

Увы, вместо прорыва в технотронное будущее страны бывшего СССР дружно демонстрируют ускоренное разрушение научно-технического, инновационного, промышленного потенциала, о чем уже писали на страницах журнала [1]. Как оказалось, периодические кризисы, инфляция, безработица, неуверенность в завтрашнем дне – это вовсе не досужие вымыслы авторов советских учебников по политэкономии, а реалии капитализма, с которыми воочию столкнулись соотечественники на всем постсоветском пространстве.

К сожалению, и до Беларуси докатились грозные раскаты мирового финансово-экономического кризиса, поставившего на колени целый ряд еще совсем недавно весьма благополучных держав – Исландию, Грецию, Португалию, Испанию. При этом многие – не только простые граждане, но и специалисты – искренне недоумевают. Например, эксперты отмечают, что за январь – апрель 2011 г. в стране был достигнут самый высокий рост ВВП за последние 10 лет – 12,3%. Инвестиции в

основной капитал увеличились на 23,4%, производительность труда – на 10,6%, экспорт товаров и услуг – на 41,9% [2]. Но, несмотря на эти очевидные успехи, специалисты вынуждены констатировать, что настал «сложный месяц май с грозами девальвации и инфляции». При этом, пожалуй, самым неприятным сюрпризом стал бурный рост цен, с начала года составивший 15,2%, а до конца года прогнозируемый в интервале от 33 до 75% [3].

Характеризуя проблему инфляции, необходимо остановиться на двух принципиальных моментах. Во-первых, инфляцию (впрочем, как и любые другие проявления финансово-экономического кризиса) следует воспринимать в качестве процесса масштабного перераспределения ресурсов от одних субъектов хозяйствования, включая целые страны, в пользу других. В частности, хорошо известно, что инфляция порождает неравенство норм прибылей, стимулируя отток ресурсов из одного сектора экономики в другой. Иными словами, рост цен обеспечивает масштабное «вымывание» оборотных средств предприятий производственного сектора, особенно инновационно активных, у которых длительность оборота еще больше, в сферу обмена, где она в несколько раз меньше. Механизм возникновения данного явления, именуемого «эффектом рыночной дискриминации промышленности (производства)», который, строго говоря, следует считать прямым следствием эксплуатации труда капиталом, также подробно исследован на страницах журнала [1, 4].

Во-вторых, инфляция, делая тяжело прогнозируемым эффект от реализации инвестиционных проектов и к тому же быстро обесценивая накопления граждан и предприятий, включая их инновационные и амортизационные фонды, является серьезным препятствием на пути к инновациям. Исходя из этого, «загадочно необоримую» инфляцию, сделавшуюся своего рода «визитной карточкой» стран бывшего СССР, следует рассматривать в качестве ключевого фактора селективного, избирательного разрушения, главным образом, инновационного и промышленного потенциалов. Иными словами, если бы на постсоветском пространстве удалось ее одолеть, то можно считать, что на их пути к инновационной, технотронной экономике наконец-то зажегся бы зеленый свет.

Имеются все основания полагать, что одна из главных причин непобедимости хронической инфляции в странах бывшего СССР – отсутствие фундаментальных научных изысканий и, соответственно, адекватных представлений по данной проблематике. К сожалению, так случилось, что умами отечественных специалистов овладели готовые типовые рецепты решения этой проблемы. Теоретическим фундаментом таких рекомендаций является общеизвестная количественная теория денег, согласно которой уровень цен меняется пропорционально изменению количества обращающихся денег, что математически выражается в виде уравнения Фишера [5]:

$$M \cdot V = P \cdot Y,$$

где M – количество денег в обращении; V – скорость их обращения; P – уровень цен; Y – объем произведенной и реализованной продукции.

Как это следует из приведенного тождества, для снижения уровня цен P в качестве стандартной антиинфляционной процедуры предлагается уменьшение

(сжатие) национальной денежной массы М. В связи с этим типовая рекомендация подавления инфляции звучит примерно следующим образом: «Считается, что там, где высокая инфляция (от 5% и выше), денежную массу надо урезать. Это, например, сейчас прописано в Украине, Исландии, Латвии и Беларуси. Наоборот, если наблюдается дефляция, ее надо увеличивать. Это и без советов МВФ делают США, Великобритания, ЕС, Япония, Китай и многие другие государства» [6].

К сожалению, практика реализации в странах бывшего СССР именно этого на первый взгляд очевидного монетаристского рецепта заставила громко заговорить об ограниченности и даже догматизме, казалось бы, безупречной количественной теории денег [7]. Поводом для ее столь критического осмысления послужила хроническая инфляция в условиях, когда количество национальных денег в экономиках России, Украины, Беларуси, Казахстана и т.д. было в несколько раз меньше оптимального и даже критического уровня. На страницах журнала мы уже описывали этот парадокс, отметив, что при оптимальном значении коэффициента монетизации экономики – отношении денежного агрегата М2 и ВВП, равном не менее 60%, – его величина в странах бывшего СССР традиционно не превышает критического порога в 30%.

Разумеется, технологически развитые державы поддерживают этот показатель на уровне 60% от ВВП и более, а догоняющие их страны (например, Китай) и того выше [1, 4].

И хотя столь радикальное «урезание» национальной денежной массы в странах бывшего СССР не привело к обузданию инфляции, оно вызвало к жизни целый спектр крайне негативных последствий, обусловленных искусственно созданным дефицитом национальных денег. В их числе прежде всего следует отметить:

- масштабную долларизацию экономики, ведущую к потере контроля за кредитно-денежной сферой со стороны национально-го государства;
- рост процентных ставок по кредитам до спекулятивного уровня, которыйкратно выше рентабельности отечественных предприятий;
- «выдавливание» дефицитной денежной массы (в полном соответствии с уравнением Фишера) из инновационного, промышленного, сельскохозяйственного секторов с малой скоростью обращения оборотного капитала в торгово-посредническую сферу, где она заметно выше;
- выталкивание национальных организаций на зарубежные рынки кредитных ресурсов, ведущее к быстрому росту внешнего долга;
- кризис неплатежей вплоть до искусственных банкротств предприятий, задержек пенсий, невыплат заработной платы и т.п. [8].

Разумеется, в конкретных государствах в разные годы рыночных реформ перечисленные последствия имели свою специфику. Однако в той или иной степени они присущи всем странам бывшего СССР, причем многие не потеряли актуальности и по сей день.

К сожалению, Беларусь не стала исключением из перечня постсоветских стран, которые своим примером «опровергают» уравнение Фишера. Так, в период активных рыночных

реформ (1991–1995 гг.) индекс роста потребительских цен в республике составил астрономическую величину – 43 948 раз. И это несмотря на то, что коэффициент монетизации экономики стремительно сократился с 71% в 1990 г. до 7% в 1994 г. [4] Кстати говоря, и в относительно стабильные нулевые годы указанная обратная зависимость индекса потребительских цен ИПЦ (инфляции) от коэффициента монетизации экономики Км сохраняется как в долгосрочном периоде, так и в деталях (рис. 1).

К слову, аналогичные явления наблюдаются не только в Беларуси, но и во многих других странах. По информации академика С. Глазьева, анализ отношения денежной массы к ВВП развеивает любые иллюзии относительно необходимости ее ограничения для успешного осуществления макроэкономической стабилизации. Обратная зависимость между темпами инфляции и совокупным объемом денежной массы выявлена в Венгрии, Словении, Чехии, Словакии, Молдове, Азербайджане, Казахстане, Эстонии, Литве, Китае, Вьетнаме, Латвии, России [7].

Несмотря на столь веские эмпирические факты, вывод о «неработающем» уравнении Фишера все-таки, на наш взгляд, является преждевременным. В условиях глобализации, увеличения открытости и взаимозависимости национальных экономик рост цен в Беларуси, России, на Украине и т.д. зависит не только от внутренних факторов, но «по закону сообщающихся сосудов» провоцируется соответствующим ростом цен на мировых рынках, то есть импортируется извне.

В свою очередь, рост цен во многом обусловлен тотальным обесцениванием мировых денег (долларов США) вследствие их перепроизводства, о масштабах которого свидетельствуют, например, следующие данные из Википедии – свободной интернет-энциклопедии [9]. В частности, с 1995 по 2005 г. долларовая сумма, находящаяся в обращении, выросла на 89% и достигла 758,8 млрд долл. А по данным на 30 сентября 2006 г. в мире существовало банкнот и монет на сумму уже 971,9 млрд долл., из которых 790,6 млрд долл. находилось в обращении

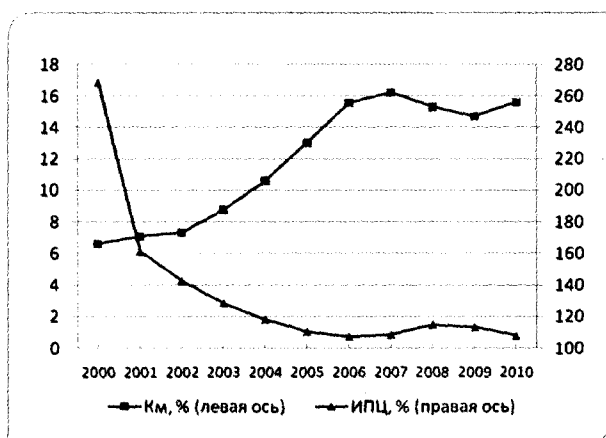

Рис. 1. Динамика коэффициента монетизации экономики Км и индекса потребительских цен ИПЦ в Беларуси в 2000–2010 гг. (рассчитано на основе официальной статистики Белстата и Национального банка Республики Беларусь)

Таблица 1. Динамика ППС и обменного курса, а также их соотношения в Беларуси и Швеции

Показатель/Год	2005	2006	2007	2008	2009	2010
Беларусь						
Обменный курс, бел. руб./долл.	2153,8	2144,6	2146,1	2136,4	2789,5	2978,1 ^{а)}
ППС, бел. руб./долл.	779,3	835,9	916,7	1086,9	1132,5	1217,0 ^{а)}
Соотношение ППС и обменного курса, %	36,2	39,0	42,7	50,9	40,6	40,9 ^{а)}
Швеция						
Обменный курс, шв. крон/долл.	7,46	7,37	6,75	6,54	7,61	7,19
ППС, шв. крон/долл.	9,38	9,09	8,87	8,75	8,90	8,80 ^{а)}
Соотношение ППС и обменного курса, %	125,7	123,3	131,4	133,8	116,9	122,3 ^{а)}

Источник: сайт ЕЭК ООН: <http://w3.unece.org>

Примечания: ^{а)} официальные данные Нацбанка Республики Беларусь; ^{б)} рассчитано автором, исходя из официально объявленного БЕЛТА объема ВВП 53,443 млрд долл. по обменному курсу НБ РБ и данных МВФ о белорусском ВВП по ППС в размере 130,78 млрд долл.; ^{в)} оценки автора.

нии. В настоящее время эмитирующая долларовую массу Федеральная резервная система (ФРС) США этот «стратегический» показатель вообще засекретила. По мнению известного белорусского аналитика профессора Г. Грица, ФРС в 2010 г. ежедневно печатала около 2 млрд долл., из которых до 70% уходило за пределы США.

Разумеется, столь масштабные монетарно-бумажные вливания в мировую экономику обеспечивают США весьма прибыльный бизнес по безвозмездному присвоению огромного инфляционного налога (сеньоража). Как следствие, растущая избыточная долларовая масса в полном соответствии с уравнением Фишера ведет к закономерному обесценению американского доллара или, что есть то же самое, к «загадочному» росту цен на мировых и сообщающихся с ними

национальных рынках. Кроме того, этот процесс быстро обесценивает международные валютные накопления, в которых доля доллара в 2009 г. составляла не менее 61,5%.

Верным признаком «эффективного» функционирования механизма по экспорту инфляции Соединенными Штатами в развивающиеся страны является стремительный рост американского внешнего долга. Так, в 1989 г. он составлял 2,7 трлн долл., в 2001 г. – 5,7 трлн долл., а по состоянию на 16 января 2011 г. превысил 14 трлн долл. (рис. 2). При этом отмечается, что основная часть долга обеспечена ценными бумагами, в частности, в июне 2008 г. на руках у иностранцев находилось американских ценных бумаг на сумму 10,3 трлн долл., в том числе государственных – 3,6 трлн и корпоративных – 5,8 трлн долл. [9].

Очевидно, что экономика США в колоссальных масштабах получала извне и использовала по назначению реальные активы фактически даром, расплачиваясь за них продукцией своего печатного станка. Эмитируемые Штатами всевозможные номинированные в долларах «ценные» бумаги в полном соответствии с количественной теорией денег обеспечили тотальное обесценение бумажных средств платежа, а значит, рост цен на мировых рынках энергоресурсов, сырья, продовольствия. Понятно, что в сложившихся условиях типовые рекомендации МВФ по борьбе с инфляцией путем сжатия национальной денежной массы не только не обеспечивают подавления роста цен в развивающихся странах, но и, наоборот, способствуют высокой степени долларизации их экономик, а значит, и экспорту ими инфляции извне.

К слову, еще одним ключевым фактором импорта периферийными странами из глобального центра инфляции и других негативных процессов является активно продвигаемая МВФ девальвация (недооценка) их национальных валют, о чем также шла речь на страницах журнала и в других отечественных публикациях [1, 4]. Напомним, что во избежание зависимости выраженного в долларах ВВП от подверженного изменениям обменного курса при международных сравнениях для каждой страны мира рассчитывают объективный обменный курс ее денежной единицы. Он определяется на основе реальной покупательной силы национальной валюты по отношению к стандартной корзине экономических благ, включающей в себя почти 3 тыс. сопоставимых товаров и услуг.

Например, если в 2009 г. в США она стоила N долл., а в Беларуси 1132,5·N руб., то определяемый паритетом покупательной способности (ППС) обменный курс белорусского рубля составлял 1132,5 руб. за 1 долл. (табл. 1). В пояснениях на сайте Европейской экономической комиссии ООН (ЕЭК ООН) говорится: «В широком понимании ППС представляет собой относительную стоимость одной и той же корзины товаров-представителей, оцененной во внутренних ценах двух различных стран. Другими словами, ППС

Таблица 2. Динамика сопоставимого уровня цен (соотношения ППС и обменного курса) в разных группах стран, %

Страна	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.
Страны «золотого миллиарда»					
Великобритания	115,8	115,5	129,0	117,3	100,1
Франция	143,4	140,3	151,2	157,3	148,4
Финляндия	121,6	119,3	128,7	134,3	126,4
Италия	114,9	113,4	122,2	129,6	121,9
и Швейцария	140,1	132,8	133,3	142,7	140,8
Япония	125,7	123,3	131,4	133,8	116,9
Норвегия	138,2	135,7	149,8	154,6	140,8
Страны бывшего СССР					
Беларусь	36,2	39,0	42,7	50,9	40,6
Грузия	40,7	43,5	49,5	59,5	51,5
Казахстан	43,4	53,8	62,1	74,9	63,4
Киргизия	27,7	30,0	36,0	43,9	37,9
Россия	45,0	52,2	61,4	73,2	58,2
Таджикистан	23,9	26,5	31,5	39,6	36,4
Украина	32,8	37,0	44,1	53,1	40,5

Источник: Сайт ЕЭК ООН: <http://w3.unece.org>

является обменным курсом, уравнивающим покупательные способности разных стран... Именно ППС, а не обменные курсы должны использоваться для международных сопоставлений...» В конечном счете именно ППС лежат сегодня в основе таких сравнений.

В процессе исследования данной проблемы обнаружена одна удивительная закономерность. Оказывается, все без исключения технологически развитые державы поддерживают официальные обменные курсы своих денежных единиц заметно выше ППС, в то время как развивающиеся и переходные страны – в 1,1–5 раз ниже его [1]. Указанная ситуация проиллюстрирована табл. 2.

Анализ приведенных ЕЭК ООН, равно как и другими международными организациями, официальных данных (табл. 1, 2) у большинства читателей вызовет по меньшей мере удивление. Оказывается, национальная валюта Беларуси (равно как и России, Украины, Казахстана и т.д.) на протяжении долгих лет искусственно недооценена в 2–3 раза. В отличие, например, от Швеции, которая предпочитает иметь свою крону переоцененной. Разумеется, нынешняя девальвация еще больше увеличила отклонение официального обменного курса от его объективного значения.

Несмотря на утверждения о живительном влиянии девальвации и недооценки национальной денежной единицы на экономику страны, упорное нежелание технологически развитых держав использовать данный «чудодейственный» рецепт наводит на мысль о его лукавстве. Результаты научных исследований доказывают, что девальвация, так же как и инфляция, ведет к масштабному «перекачиванию» ресурсов из научно-инновационного и промышленно-производственного секторов в сферу обмена [10]. Наряду с тем что девальвация угнетает и разрушает инновационный и промышленный потенциалы страны, ее следует считать ключевым

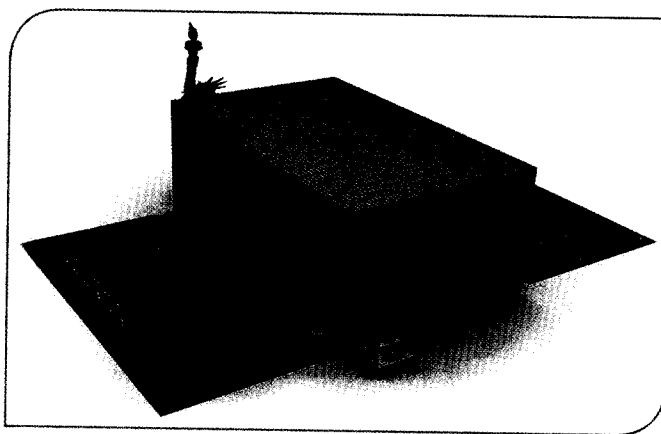

Рис. 2. Внешний госдолг США, равный 14 трлн долл. Для наглядности изображен в виде параллелепипеда без пустот, выложенного из 100-долларовых купюр рядом с грузовиком, футбольным полем и статуей Свободы

фактором импорта инфляции извне – из безудержно печатающих мировые деньги развитых держав в страны «второго» и «третьего» мира. И действительно, в условиях девальвации продукция периферийных стран объективно дешевеет, а продукция ТНК на национальных рынках, наоборот, дорожает. Этот процесс суть экспорт инфляции из развитых держав, активно печатающих бессчетные «ценные» бумаги, на периферию, которая самоотверженно «инфлюирует» вместо просвещенного Запада.

Теперь становится понятно, почему меры по нейтрализации этого крайне негативного эффекта путем введения множественности обменного курса белорусского рубля (отмены его полной конвертируемости) вызывают крайнее неудовольствие у Запада. И это несмотря на то что сами технологически развитые страны неоднократно прибегали к такой практике в качестве типовой антикризисной меры.

Как свидетельствует Википедия, «первые валютные ограничения были приняты в ряде стран еще в период Первой мировой войны. Широкое распространение они получили во время мирового экономического кризиса 1929–1930 гг. В годы Второй мировой войны и в послевоенные годы валютные ограничения применялись почти во всех капиталистических странах... Целью введения валютных ограни-

чений является стремление стран-должников уравновесить свой платежный баланс путем сокращения платежей в резервной валюте и увеличения поступлений в иностранной валюте, что в свою очередь позволяет укрепить курс национальной валюты... Например, в Великобритании в годы Второй мировой войны вся иностранная валюта в обязательном порядке продавалась государству... В целях стимулирования экспорта и регулирования импорта могут устанавливаться дифференцированные валютные коэффициенты в виде надбавок

к официальному курсу, которые применяются при обмене экспортной выручки на национальную валюту... В Германии, например, отклонения от официального курса колебались в пределах от 10 до 90%» [11].

Как отмечают белорусские ученые В.И. Тарасов и С.А. Пелих, большинство западно-европейских стран десятилетиями готовились к введению полной конвертируемости, запрещая своим странам инвестировать за границу. Франция и Италия в полном объеме отменили валютные ограничения в 1989 г., а Япония отменила такие ограничения только в 1979 г. [12]. И в учебной литературе можно прочесть, что множественность обменных курсов привлекает авторов экономической политики как инструмент «тонкой настройки» экономики, применяющийся для стимулирования одних операций и ограничения других [13].

Получается, что меры, предпринятые ныне белорусским руководством в целях уравнивания платежного баланса за счет ограничения некретичного импорта и концентрации валютных средств на приоритетных, жизненно важных направлениях развития, есть типовая, общепринятая в странах с рыночной экономикой антикризисная практика. Использование данного инструмента позволяет обеспечить облегченный доступ к инвалюте тем, кто умеет зарабатывать ее в условиях жесто-

чайшей конкуренции на внешних рынках, а также другим стратегически значимым предприятиям. Остальные рыночные игроки закономерно поставлены в худшие условия ее приобретения. При этом вряд ли множественность обменного курса следует считать нерыночной практикой. Скорее, наоборот, именно отказ от него сродни пресловутой уравниловке. Ведь если в условиях рыночной экономики один и тот же товар на разных рынках стоит по-разному, исходя из спроса и предложения на него, то почему валюта везде должна стоить одинаково?

Таким образом, очевидно, что якобы «неработающая» монетаристская теория на самом деле по-прежнему работает, и при этом работает, увы, против нас. Просто проанализированные выше стандартные антиинфляционные меры разработаны для замкнутых статичных систем, не учитывают реалий открытой, динамичной экономики, а значит, безнадежно устарели. По утверждениям академика С. Глазьева, МВФ и денежные власти США и ЕС сами не следуют догматике количественной теории денег и проводят политику гибкого денежного предложения, исходя из потребностей своих государств и экономик в денежных ресурсах. Но, навязывая количественную теорию денег другим странам, они подчиняют их экономическое развитие своим интересам [7].

Следует отметить, что в рамках решения этой проблемы отдельные белорусские ученые – П. Никитенко, С. Пелих и др. – также поднимали вопрос о необходимости увеличения недопустимо низкого коэффициента монетизации белорусской экономики, который объективно препятствует эффективному функционированию бюджетно-финансовой системы страны [14]. Кроме того, профессор С. Пелих с завидным постоянством указывает на разрушительные последствия для научно-технического и промышленного секторов искусственного занижения стоимости национальных валют России, Украины, Беларуси и т.д. Однако предлагаемые нашими специалистами способы решения указанных задач (в частности,

через развитие ипотеки и т.п.) являются неполными, частичными.

Окончательное решение проблемы инфляции немислимо без осуществления программной, системной дедолларизации национальной экономики, что возможно только в рамках согласованной монетарной политики стран Союзного государства, а также ЕврАзЭС и СНГ. Без «отстраивания» от превращающегося в обычную бумажку доллара мы навсегда останемся для развитых стран безвозмездными донорами ресурсов, обреченными покорно утилизировать инфляцию и прочие негативные последствия глобальных, нередко искусственных финансово-экономических кризисов. Вот почему сегодня жизненно важно инициировать масштабные межгосударственные фундаментальные научные исследования по проблемам инфляции и антиинфляционной кредитно-денежной политики.

При этом требует самого тщательного изучения механизм раскручивания (точнее, импорта) инфляции за счет многократного – вдоль всей цепочки предприятий, последовательно преобразующих сырье в конечную продукцию, – включения спекулятивного ссудного процента в стоимость реализуемых нам товаров и услуг. В условиях искусственного созданного дефицита обычных дензнаков их недостаток активно замещается кредитными деньгами, содержащими в себе инфляционную составляющую – «прикрученный» к ним излишек в виде ссудного процента. Известно, что на основе эффекта банковского мультипликатора в результате всей совокупности кредитно-депозитных операций общая сумма выданных банками кредитов может многократно превышать первоначальную сумму денег в экономике. Данное явление равноценно масштабной дополнительной денежной эмиссии, которая осуществляется банками, а не государством, что, по большому счету, отбирает у последнего исключительное право на денежную эмиссию.

В экономической теории указанное расширение денежной массы за счет масштабного кредитования субъектов хозяйствования и населения входит в

список ключевых факторов раскручивания инфляции, о чем наши экономисты умалчивают. В процессе изучения данной проблемы вполне может выясниться следующее: в условиях масштабного замещения искусственно созданного дефицита дензнаков кредитной эмиссией именно высокий ссудный процент есть причина инфляции, а совсем не наоборот. Не случайно и в Коране, и в Библии осуждаются как ссудный процент, так и те, кто дает деньги в рост своим соотечественникам. Да и сами технологически развитые страны традиционно поддерживают ставку рефинансирования на уровне 1–5% годовых.

Литература

1. В. Байнев. Неоиндустриализация – приоритет перехода к инновационной экономике // Наука и инновации. №8, 2009. С. 56–60.
2. Конспект событий // Финансы, учет, аудит. №6, 2011. С. 7.
3. В. Герасимова. Сложный месяц май с грозами девальвации и инфляции // Финансы, учет, аудит. №6, 2011. С. 9–11.
4. Белорусский путь / Под ред. О.В. Пролесковского и Л.Е. Криштаповича. – Мн., 2010.
5. В.И. Тарасов Деньги, кредит, банки: Уч. пособие – Мн., 2003.
6. Е. Богомазов Мировой кризис. Взгляд на причины // Финансы, учет, аудит. №5, 2009. С. 10–12.
7. С. Глазьев. О практичности количественной теории денег, или Сколько стоит догматизм денежных властей // Вопросы экономики. №7, 2008. С. 31–45.
8. В. Байнев. Почему не работает уравнение Фишера // Финансы, учет, аудит. №6, 2011. С. 17–18.
9. Доллар США. Материал из Википедии – свободной энциклопедии: <http://ru.wikipedia.org>.
10. В.Ф. Байнев. Факторы деиндустриализации и девальвация национальной валюты как важнейший из них // Белорусский экономический журнал. №3, 2009. С. 14–24.
11. Валютные ограничения. Материал из Википедии – свободной энциклопедии: <http://ru.wikipedia.org>.
12. Государственное регулирование экономики и повышение эффективности деятельности субъектов хозяйствования: Матер. Междунар. науч.-практ. конф. (г. Минск, 21–22 апр. 2005 г.): Пленарные доклады. – Мн., 2005.
13. В.С. Лисин Макроэкономическая теория и политика экономического роста: Уч. пособие. – М., 2003.
14. П. Никитенко. Рычаг укрепления национальной экономики // Финансы, учет, аудит. №1, 2010. С. 5–7.